ОТЗЫВ
официального оппонента
о диссертации Екатерины Андреевны Ерохиной
на тему:
«Пролог и эпилог в контексте художественного целого повестей И.С. Тургенева», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература

В последние годы на волне тургеневского юбилея, который отмечался в 2018 году, появляются новые диссертационные исследования о творчестве писателя, что, с одной стороны, свидетельствует о пользе юбилеев, а с другой — о насущной необходимости нового научного взгляда на старые, казалось бы, вопросы, к которым в целом относится основательно изученное наследие И.С. Тургенева. Между тем диссертационное сочинение Екатерины Андреевны Ерохиной затрагивает вопросы, не вполне проработанные в тургеневедении, которые касаются содержательной поэтики тургеневских текстов, а именно рамочного комплекса повести, что, несомненно, свидетельствует в пользу его **актуальности**. Впервые в практике тургеневедения соискательница поставила перед собой цель систематизировать весь корпус повестей Тургенева, имеющих рамочную структуру, и выявить особенности трансформаций, происходящих в прологах и эпилогах, которые являются важнейшими структурными элементами тургеневской повести, что убедительно говорит о **научной новизне** диссертационного исследования.

Цель работы подкрепляется строгой тактикой в последовательном решении целого ряда задач, чему посвящены отдельные главы и разделы диссертации. Особо хотелось отметить основательное Введение, где представлена история вопроса. В принципе, обращение молодого исследователя к магистральным писательским именам требует самоотдачи в плане погружения в объемный научный и литературно-критический материал, и творчество Тургенева не исключение, а Е.А. Ерохина показала себя как специалист, прекрасно владеющий литературой по своей проблеме,

что нельзя не отметить и не приветствовать. Работа снабжена четким и емким Заключением, Список литературы внушителен – он насчитывает 277 позиций.

Основной корпус диссертационного сочинения Е.А. Ерохиной четко делится на теоретическую и аналитическую части, что в научном исследовании на историко-литературную, а не на теоретико-литературную тему, возможно, и избыточно, но такое построение работы мотивировано необходимостью четкой проработки языка описания. Поэтому **в первой главе «ТЕОРЕТИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ»** вполне обоснованно речь идет и о проблеме художественной целостности, и о соотнесенности рамочных компонентов с сюжетом, и о современных подходах к вопросам наррации. Все это работает дальше в тексте диссертации, а если это так — значит и нужно: материал, как правило, диктует исследователю пути и способы его описания. Е.А. Ерохина подняла и систематизировала сложный теоретико-литературный материал, четко представила свою позицию в трактовке рамочных компонентов произведения. На эти принципы она будет опираться в дальнейшем. Глава снабжена емкими и информативными выводами, впрочем, как и последующие главы, что говорит о внутренней логике, о единстве замысла всей работы, о ее правильной организации и о научной самодисциплине автора.

Вторая глава «СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЛОГА И ЭПИЛОГА В ПОВЕСТЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1840-1850 гг.» посвящена уже собственно тургеневским текстам. Здесь рассматриваются очень разные повести Тургенева, в плане внутрижанровой типологии. Это «Андрей Колосов», «Три портрета», «Дневник лишнего человека», «Петушков», «Два приятеля», «Постоялый двор», «Затишье», «Переписка», «Ася». Желание соискательницы следовать определенной периодизации творчества Тургенева (она выбирает периодизацию Ю.В. Лебедева), на наш взгляд, несколько мешает

систематизации этого разнородного материала. Хотя объединение всех вышеперечисленных текстов позволяет рассмотреть те трансформации, которые претерпевали любимые Тургеневым элементы структуры его сочинений, как эпилог и пролог. Соискательнице действительно удалось показать, что смена «манеры» («старой» на «новую»), что происходило от 1840-х к 1850-м годам в творчестве Тургенева, никак серьезно не изменила структуру его повести. Менялась только смысловая нагрузка, функциональное насыщение как пролога, так и эпилога. Если в текстах 1840-х годов Тургенев в прологе как будто примеряется к «ситуации» основного события, о котором дальше будет идти речь, то позже, в повестях 1850-х годов, в прологе у него уже представлены основные философские темы будущего повествования, как это было в случае с повестью «Ася». Углубляется и эпилог – механизмы его смыслового «осложнения» во времени убедительно описаны Е.А. Ерохиной. Но есть и константа — во всех повестях 1840—1850-х годов рама позволяет создать сложное время, обозначить хронологическую дистанцию. И в этом смысле все тургеневские тексты, как бы они ни были различны, объединены. Это очень интересно и убедительно.

Однако нельзя не отметить и определенную дискуссионность ряда наблюдений соискательницы. Они, в основном, касаются некоторых, если так можно сказать, общих мест тургеневедения и, высказывая в данном случае свое несогласие с Е.А. Ерохиной, мы в большей степени хотим просто обозначить проблему, чем умалить значение ее диссертационного труда. Речь идет, например, о понимании соискательницей такой важнейшей для Тургенева метафоры, как «лишний человек». В диссертации мы читаем: «Повесть “Дневник лишнего человека” продолжила традицию изображения особого социально-исторического типа литературного героя (“лишний человек”), впервые терминологически его зафиксировав. Он уже был известен русской литературе, благодаря Грибоедову, Пушкину и Лермонтову, что позволяло видеть – писателям и читателям – определенную

общность Чацкого, Онегина и Печорина. Героя такого типа отличала возвышенность идеалов, отчужденность от официальной жизни общества, от обывательского быта; но в то же время – практическая беспомощность и несостоятельность, постоянный разлад между словом и делом» (Дис., с. 51-52). Все это, однако, не совсем так, кроме разве того, что Тургенев «зафиксировал» метафору. Сошлемся на авторитетное суждение Ю.В. Манна (его работа упомянута в Списке литературы под 140 номером и активно цитируется соискательницей), который убедительно писал о том, что тургеневский «лишний человек» рождался у писателя из отталкивания от героя онегинско-печоринского типа, не говоря уже о том, что ни Пушкин, ни Лермонтов не оперировали такой категорией, как «лишний человек». Тургеневское открытие «лишнего человека» было сродни открытию Достоевским «подпольного парадоксалиста», имеющего определенные, узнаваемые черты как конкретного образа, но своим свойством «подпольности» совершенно по-новому описывающего «тип русского большинства» (кстати, уж если с кем и сближать Чулкатурина, так скорее с «подпольным», чем с Онегиным). Так и тургеневский «истинно лишний человек», как именовал его А.В. Дружинин, был индивидуален, но одновременно его «лишность» оказывалось экзистенциальной чертой современного человека, важной антропологической характеристикой, открытием Тургенева. Мы предложили бы соискательнице осторожнее относиться к старым и привычным суждениям о типе «лишнего человека» у Тургенева, которые, на наш взгляд, требуют еще серьезного изучения. В любом случае разграничивать тургеневского «лишнего» от галереи «лишних людей» в русской литературе необходимо. Необходимо отказаться и от винтажности в некоторых оценках. Так, применительно к герою повести «Переписка» Е.А. Ерохина вспоминает слова Г.А. Бялого о «людях без молодости и без будущего», «людях уродливого ума и сердца» (почему герой «Переписки» уродлив умом и сердцем, непонятно), которыми, по мнению ученого «их сделали неблагоприятные обстоятельства русской исторической

жизни» (Цит. по Дис., с. 79). Очевидно, что тут ситуация много сложнее. Да и причину появления «лишних людей» цитируемый Е.В. Ерохиной исследователь видит в «условиях русского социально-политического строя» (Цит. по Дис., с. 79), что не совсем так, особенно если иметь в виду экзистенциальную составляющую открытия Тургенева. Однако подчеркнем, к научной проблематике диссертационного сочинения Е.А. Ерохиной вышеобозначенная дискуссия о тургеневском «лишнем человеке» не имеет прямого отношения, это лишь попутный инструментарий, не основной.

Третья глава диссертационной работы **«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ПРОЛОГА И ЭПИЛОГА В ПОВЕСТЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1860-1870 гг.»** рассматривает тоже очень разные повести: «Первая любовь» «Бригадир», «История лейтенанта Ергунова», «Несчастная», «Степной король Лир», «Вешние воды», «Пунин и Бабурин», «Часы», «Отрывки из воспоминаний – своих и чужих». Соискательница справедливо отмечает, что пролог и эпилог позволяют в большинстве повестей, созданных в 1860—1870-е годы, сохранить ретроспективность, нарративную структуру «рассказа в рассказе», но появляется тенденция к обобщениям, отчетливо выражающим авторскую интенцию, стремление к дополнительным комментариям. Это убедительно показано в работе. Нельзя не согласиться с мнением автора диссертации: «Попытки ответить на вопросы, возникшие в эпилогах повестей «Несчастная», «Первая любовь», «Вешние воды» и др., также оказываются безуспешны. Вероятно, для Тургенева как писателя важнее оказывается именно постановка вопроса, а не ответ на него, особенно когда речь идет о внутренней жизни человека, подчас непостижимой для него самого. В этом случае сам характер намеченных в эпилогах вопросов придавал им общечеловеческий, экзистенциальный смысл» (Дис., с. 148). Е.А. Ерохина обнаруживает в тургеневских эпилогах и склонность к структурному разнообразию — они могут делиться на несколько частей, различаться по интонации и проч. Этого не было в текстах более ранних лет.

Прологи, с одной стороны, как убедительно показала соискательница, сохраняют свой прежний, привычный для поэтики Тургенева функционал — служат для введения героя и обозначения «ситуации» (ситуация встречи друзей и т. п.), однако с другой — подчинены психологической разработке характера, как, например, в «Степном короле Лире».

Частные моменты, которые касаются, например, трактовки эпилога «Вешних вод», могут также рассматриваться как дискуссионные. В тургеневедческой практике приходится сталкиваться с возможностью разных интерпретаций текста, что обусловлено особой поэтикой писателя, отсутствием окончательного и решающего слова, что, кстати, при наличии эпилога, читатель ожидает. Но эпилоги Тургенева редко ставят точку. Их задачи, как правило, другие. Думается, эту принципиальную «незавершенность» такого структурного элемента, как эпилог, который, казалось бы, призван все завершить и разрешить, стоит еще изучать специалистам.

Это прекрасно понимает автор диссертации, когда в Заключении своей работы предлагает пути дальнейшего изучения проблемы, которые связаны с исследованием пролога и эпилога в других жанрах у Тургенева. Это действительно серьезная и большая задача, поскольку при всем жанровом многообразии — Тургенев, в отличие от многих своих современников, работал в разных жанрах и родах литературы — писатель удивительно постоянен в том, как организована структура его текста, независимо от его жанровой определенности. Эпилоги у него формально есть даже в драматургических текстах. Было бы интересно в будущем рассмотреть ситуацию с рамочной конструкцией и в тургеневских «студиях», и в разных видах повестей, а также посмотреть, как работают эпилоги в тургеневской диалектической паре «повесть / роман», особенно если в них просматривается единая сюжетная конструкция.

Дискуссионные размышления, которые мы позволили себе высказать в ходе анализа диссертации Е.А. Ерохиной, никак не умаляют ценности

исследования, проведенного соискательницей, его значимости для филологической науки и практики.

Диссертация Е.А. Ерохиной представляет собой оригинальное самостоятельное исследование и является научно-квалификационной работой, имеющей существенное значение для филологической отрасли знаний. Ее актуальность, научная новизна и практическая значимость — возможность использовать в вузовской педагогической практике — не вызывают сомнений. Автореферат и публикации в полной мере отражают содержание диссертации. Положения, выносимые на защиту, убедительны и доказаны в ходе исследования.

В целом представленная диссертационная работа «Пролог и эпилог в контексте художественного целого повестей И.С. Тургенева» и автореферат соответствуют всем требованиям пунктов 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2014 года № 842, а ее автор, Е.А. Ерохина, заслуживает присуждения ей степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук
(специальность 10.01.01. — Русская литература)
профессор,
профессор кафедры русской литературы
Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета

1.09.2021 И.А. Беляева

Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский городской педагогический университет»
Москва, 129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
+7 (499) 181-24-62
info@mgpu.ru
http:// https://www.mgpu.ru/

Подпись руки И.А. Беляевой подтверждаю.
Начальник отдела кадрового учета
Р.Н. Архипова